

Изъ записокъ 1877—78 г.г. ¹⁾.

Еще не опредѣлился день нашего отъѣзда изъ Трепизонда, какъ къ намъ, по настоянію этого заботливаго чело-вѣка, явился Гассанъ.

— Вамъ нужно заблаговременно съ нимъ познакомиться, его хорошенько узнать, — что за чело-вѣкъ будетъ неотлучно находиться при васъ, отвѣчая за каждый шагъ вашего передвиженія въ такомъ далеко непростомъ путешествіи, вамъ предстоящемъ; присмотритесь къ нему теперь, мало ли что еще можетъ оказаться до вашего выступленія. Я знаю его достаточно, и пораженъ тою искренностью, съ котораго Юсуфъ-паша избралъ для васъ отвѣтственнаго начальника вашего конвоя; но за эти дни я постараюсь всѣ силы употребить къ тому, чтобы самому мнѣ еще познакомиться съ нимъ, а также разузнать его хорошенько, и лично, и черезъ хорошихъ, вѣрныхъ, твердо знающихъ его людей.

Рано утромъ, черезъ день послѣ того, какъ явился Гассанъ, мы всѣ вмѣстѣ сидѣли, по русскому обычаю, за самоваромъ, къ которому, какъ выражался Рива, молодая жена успѣла его очень хорошо приручить, пригрѣвъ его около этой дивной машины, — къ намъ пришелъ какой-то, очень прилично одѣтый турокъ, и, объявивъ, что онъ — Мемедъ-Речжди, желаетъ въ объясненіи со мной изложить мнѣ свою просьбу.

Я предложилъ ему присѣсть и начать изложеніе своего дѣла.

¹⁾ См. „Русская Старина“, июль 1915 г.

— А не помѣшаетъ вамъ то, что другіе будутъ насъ слушать?.. спросилъ онъ крайне заискивающе.

— Нѣтъ, сказалъ я, у меня вообще секретовъ не бываетъ, а тѣмъ болѣе таковыхъ не могло бы и не можетъ находиться между нами; говорите смѣло, тутъ всё свои.

— А вотъ они, указалъ Мемедъ-Речжди на консула.

— Это болѣе всего свой, отвѣтилъ я.

— Ну, тогда очень хорошо, я стѣсняться не буду, поспѣшилъ онъ произнести.

Безконечной массой предисловія, вводныхъ предложеній, оговорокъ, пословицъ, присловія, даже прибаутокъ, вызвано было съ моей стороны замѣчаніе; я взглянулъ на часы и сказалъ, что времени у меня имѣется лишь на выслушанье самаго короткаго изложенія его просьбы, поэтому я прошу, безъ промедленія, перейти къ дѣлу.

Наскоро доложивъ о своемъ прежнемъ минувшемъ благосостояніи, проситель перешелъ какъ будто „къ дѣлу“.

— Юсуфъ-паша назначилъ вамъ въ проводники Гассана, сказалъ онъ...

— Не въ проводники, а въ начальники конвоя, перебилъ его Рива.

— Ну да, да, тѣмъ болѣе, виновать, тѣмъ болѣе. Достаточно на него просто и бѣгло взглянуть для того, чтобы видѣть полную несостоятельность выбора, сдѣланнаго господиномъ вали; но если при этомъ знать прошлое этого Гассана, то можно просто поразиться такимъ назначеніемъ. Развѣ можетъ при васъ,—представителѣ россійскаго побѣдоноснаго мушира, царскаго брата, состоять такой человѣкъ, каковъ этотъ самый Гассанъ; на его фizioноміи, какъ и на всей его наружности, виденъ ясный отпечатокъ того, что онъ, много лѣтъ состоя предводителемъ шайки разбойниковъ, грабилъ, рѣзалъ и, вообще, наводилъ страхъ на мирныхъ жителей; окрестности Трепизонда и всей анатолійской округи трепетали. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что недаромъ правительство наше, всегда легальное, монархическимъ принципомъ болѣе чѣмъ вѣрное, турецкое правительство, назначило большую цѣну за его голову; немного времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ курсъ цѣны за его голову прочно держался чуть ли не на всѣхъ биржахъ Востока; недавно онъ вернулся изъ горъ, руки его еще не высохли отъ крови, но покойный султанъ Абдулъ-Азисъ, по своей безконечной, а отчасти и непонятной, добротѣ, помиловалъ его, какъ будто оставившаго занятія разбоемъ и грабежемъ; этотъ самый Гассанъ живетъ теперь здѣсь, безъ

того однако, чтобы кто-нибудь вѣрилъ ему, могъ бы считать прочнымъ положеніе его и искреннимъ обращеніе его на путь закона.

Вчера я заходилъ къ Юсуфу-пашѣ, все это ему выяснилъ, доказалъ всю несостоятельность его избранія, при чемъ поставилъ ему, совершенно ясно и просто, ходатайство мое о томъ, чтобы вали довѣрилъ мнѣ честь сопровожденія и охраны васъ въ вашемъ походѣ черезъ нашъ дикій край. Зачѣмъ понадобилось подвергать васъ опасностямъ, риску и всѣмъ тяжелымъ непріятностямъ этого путешествія; зачѣмъ отдавать вашу судьбу въ руки человѣка завѣдомо низкаго и только ждущаго возможности оказываемое ему при такихъ особыхъ выдающихся обстоятельствахъ довѣріе употребить во зло.

Зачѣмъ Юсуфъ-паша, какъ представитель власти, дѣлаеть это, почему онъ не хочетъ воспользоваться услугами человѣка вполне честнаго, незапятнаннаго и знающаго цѣну своему труду!

Въ отвѣтъ на мои доводы Юсуфъ-паша послалъ меня къ вамъ съ порученіемъ предупредить васъ по содержанію моихъ донесеній и просить, чтобы вы сами рѣшили, кому желаете довѣриться—мнѣ, предлагающему свои услуги отъ чистоты сердца, или головорѣзу Гассану?..

Рива, не спуская глазъ съ Мемедъ-Речжди, слушалъ его съ большимъ вниманіемъ; по выраженію его лица было видно, что рассказы этого страннаго доносчика, прозвавшаго себя „просителемъ“, нисколько его не удивляли. Не дождавшись конца его рѣчи и оставаясь совершенно спокойнымъ, Рива порекомендовалъ мнѣ немедленно отказать просителю, прогнать его и сурово приказать ему болѣе не являться съ прошеніемъ, которое нельзя признать инымъ, какъ вздорнымъ.

— Все должно остаться въ томъ положеніи, какое постановилъ и объявилъ вали, добавилъ консулъ къ моему серьезному сообщенію.

Очень смущеннымъ и какъ будто немало озлобленнымъ удался Речжди.

— Симпатіи этотъ человѣкъ ни на одну минуту не могъ возбудить, думается мнѣ, ни въ комъ изъ насъ, сказалъ я, когда, оставшись въ своемъ кружкѣ, мы снова обратился къ самовару. Но, съ другой стороны, не могу я скрыть, насколько не симпатиченъ мнѣ Гассанъ съ нашей русской точки зрѣнія, особенно: крупная оспенная рябина придаетъ носу его тотъ видъ, котораго фигура носитъ названіе „рваной ноздри“, зачѣмъ

взглядъ исподлобья и какое-то особое шипѣнье въ разговорѣ,—все это несомнѣнно помогаетъ такимъ пройдохамъ, каковъ Мемедъ-Речжди, лучше обрисовывать несимпатичность Гассана, хотя бы онъ и былъ человѣкомъ хорошимъ. Не знаю, что будетъ дальше, но пока у меня сердце не лежитъ къ нашему будущему охранителю.

— И вы можете сказать, чтобы хотя на секунду, ваши симпатіи были больше обращены къ персонѣ Мемедъ-Речжди? спросилъ меня Рива.

— Этого я сказать не могу, но чувствую, что къ его наружности у меня нѣтъ того отвращенія, какое вызвала вся фигура и весь обликъ Гассана; бѣдный, онъ можетъ быть и хорошій человѣкъ и какъ жаль, что такая отчаянная наружность покрываетъ всѣ его хорошія качества. Хотѣлъ бы я быть переубѣжденнымъ, хотѣлъ бы увѣриться въ его добротѣ, благородствѣ и въ возможности оказывать ему то довѣріе, безъ котораго къ совмѣстному путешествію не можетъ лежать душа.

Прошло два дня; Рива, придя какъ-то опять утромъ „къ самовару“, принесъ намъ цѣлую массу извѣстій о томъ, что выяснилъ ему Юсуфъ-паша, а также какія свѣдѣнія удалось ему собрать о прошломъ и Мемеда-Речжди, и Гассана.

Юсуфъ-паша съ увѣренностью высказалъ, что лучшаго начальника конвоя найти нельзя, онъ радъ, что ему удалось этого человѣка достать и приставить къ намъ; это не только хорошій человѣкъ, но человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова порядочный, благородный, а потому, сказалъ онъ, я спокоенъ за русскую великокняжескую миссію—она скажетъ мнѣ большое спасибо какъ за выборъ Гассана, такъ и за то, что я не задумавшись, съ первыхъ словъ разговора, прогналъ Мемеда-Речжди.

— Этотъ дрянной человѣкъ, при своихъ домогательствахъ, очевидно потѣшилъ себя обманомъ относительно присылки его Юсуфомъ-пашой къ вамъ съ запросомъ, кого вы предпочтете избрать? ничего такого не было и быть не могло, проговорилъ Рива.

Сообщивъ намъ далѣе о полученномъ изъ Константинополя разрѣшеніи выѣхать, Рива условился относительно назначенія дней выѣзда, передалъ намъ подробный маршрутъ нашего похода на Эрзерумъ, а съ княземъ Уцміевымъ уговорился о порядкѣ и времени отъѣзда его пароходомъ на Батумъ.

16 февраля долженъ былъ отойти тотъ пароходъ, а 17-го утромъ предстояло намъ выступить по Эрзерумскому шоссе на Мадена-ханъ, Зигана-ханъ,—Кара-Гиссаръ, Гюмишъ-Хане, Байбуртъ, Копъ-Дагъ, Ашкала, Саганаугъ, Илджи и Эрзерумъ.

На 15-ое число мы между собой назначили на прощанье раннюю проѣзду нашихъ лошадей по Трепизонду и его ближайшимъ окрестностямъ.

— А что, князь, засмѣялся Алдатовъ, не разорветъ насъ трепизондская чернь, когда мы поѣдемъ по ея городу?

— Будьте спокойны, проѣдемся всѣ вмѣстѣ, сказалъ Рива; лошадей надо хорошенько промять, да и съ Юсуфомъ-пашей надо по добру проститься.

15-го числа утромъ, только-что мы, просидѣвъ у вали съ четверть часа и напившись кофе, выѣхали отъ него верхомъ, подвигаясь на главной улицѣ по направленію къ пристани, а затѣмъ, поровнявшись со знаменитыми старыми казармами, помчали на рысяхъ къ выѣзду изъ города,—какъ изъ-за угла хлѣбныхъ магазиновъ въ насъ полетѣли различной величины булыжники. Тотчасъ же осетину Кулаеву довольно крупный камень попалъ въ лѣвое плечо, при чемъ ушибъ, причиненный ему, потребовалъ впоследствии прикладыванья компрессовъ; Алдагову почти такой же камень попалъ въ голову; по счастью очень хорошая, плотно сдѣланная, папаха предоохранила его отъ раненія и даже отъ контузіи; затѣмъ намъ удалось дальше проскочить благополучно, если не считать того, что подъ крымско-татарскимъ трубачемъ Нишлавскимъ порядочно задѣло острымъ камнемъ коня, раскровянивъ ему морду.

Все это надѣлало большого переполоха въ городѣ и страшно встревожило Юсуфа-пашу, который велѣлъ немедленно строго разслѣдовать дѣло, столь дерзко обрушенное на насъ.

Относительно наговоровъ, сплетенныхъ Мемедомъ-Речжди противъ Гассана, можно лишь сказать, что онъ сумѣлъ воспользоваться матеріаломъ и подтасовалъ его подъ рубрику тѣхъ, кои носятъ на себѣ печать—„нѣтъ дыма безъ огня“.

Происходя изъ небогатой армянской, вполне отуречившейся, семьи, Гассанъ слылъ за анатолійскаго грека по той причинѣ, что отецъ его, рано овдовѣвши, женился на гречанкѣ, которая, изъ любви къ мужу, всецѣло и горячо отдалась воспитанію его сына отъ перваго брака,—маленькаго пасынка своего Гас-

сана. Ему приписываютъ появленіе почти съ дѣтства въ разбойничьихъ шайкахъ и занятіе грабежемъ, убійствами.

А между тѣмъ такія нареканія представляли собой завистливую ложь, всѣ, хорошо знавшіе его нравъ, жизнь, характеръ и образъ мыслей, ясно, твердо и опредѣленно говорятъ, что онъ, дѣйствительно, предаваясь съ юныхъ лѣтъ жизни, похожей на разгульную, въ сущности велъ жизнь только боевую въ цѣляхъ развитія въ себѣ лихости и въ цѣляхъ подготовки изъ себя борца, стрѣлка и война, который могъ бы быть пригоднымъ для веденія борьбы за идеи и для защиты слабыхъ, притѣснявшихся турецкимъ насиліемъ, армянъ. Никакихъ разгуловъ онъ не предпринималъ въ цѣляхъ грабежа или наживы, да и то, что вообще предпринималъ съ другими цѣлями, скоро оставилъ, вполнѣ отдавшись мирной жизни и неуклонно ведя ее по пути истины.

Съ тѣхъ поръ онъ и ведетъ себя не только честно, но съ поучительною примѣрностью, какъ человекъ, котораго слово считается образцомъ правды и полнѣйшей, изъ ряду выходящей, честности. „Что Гассанъ сказалъ или пообѣщалъ, то—не можетъ быть не исполнено“, говорятъ въ одинъ голосъ всѣ окрестные жители, знающіе его; а извѣстенъ онъ всѣмъ; „никому нельзя въ такой мѣрѣ довѣрить все, какъ Гассану,—это честный, безукоризненный Гассанъ, незнающій неправды“.

Воспитывался онъ и учился тутъ же на глазахъ у всѣхъ, по сейчасъ, знающихъ каждый его шагъ, закончилъ свой рассказъ Рива.

Не таковъ Мемедъ-Речжди. Начать съ того, что на нѣсколько лѣтъ онъ, въ промежутокъ времени между дѣтствомъ и юношествомъ, исчезалъ изъ края; то были годы, въ которые онъ, по приказу своего отца,—какъ извѣстно, очень скоро нажившагося на большихъ лихвенныхъ процентахъ,—ѣздилъ къ швабамъ получать воспитаніе и ученіе, а кромѣ того отъ нихъ и чего-нибудь еще кстаті набратъся.

Никогда онъ открыто не предавался ничему такому, что могло бы приписать ему стремленіе искать разбойника или грабителя, не предавался онъ также ничему подобному разгульной безалаберщины; но, начавши съ малыхъ лѣтъ воровской образъ жизни, онъ никогда его не бросалъ, бросить, по увѣренію людей знающихъ его, не способенъ и никогда отъ него не отстанетъ; способный на все самое отчаянное, онъ норовитъ изъ всякаго

дѣла извлечь, вредящую всѣмъ и каждому, пользу себѣ, ни въ чемъ никогда ни отъ кого никакого довѣрія не заслужилъ и не заслуживаетъ, всегда во всемъ находится не только въ подозрѣніи, но прямо завѣдомо въ положеніи человѣка вѣчно сутяжничающаго, лгущаго, лукавящаго, неизмѣнно всѣхъ обирающаго, ни на что, кромѣ плутовства, неспособнаго,—плутовство это всегда у него бываетъ самаго низкаго разбора, при которомъ всякій вообще сразу видитъ, что должно его остерегаться, сторониться и знать, такъ какъ всякое сношеніе съ нимъ является громаднымъ рискомъ; этому риску неизмѣнно подвергается и честное имя и имущественное положеніе каждаго, имѣющаго съ нимъ дѣло; это человѣкъ злой, мстительный, вѣчно держащій противъ каждаго камень или ножъ за пазухой.

Извольте все это взвѣсить и выберите, кого вы предпочтете изъ этихъ двухъ субъектовъ,—честнаго, мирнаго Гассана, давно покинувшаго нелегальность или этого изолгавшагося, грязнаго нечестивца?

Теперь повсемѣстно въ округѣ установлено, что если кто-либо получаетъ неожиданно какую-нибудь ядовитую непріятность и не знаетъ, откуда ему сіе? то прежде всего начинаетъ припоминать, не было ли у него какой-либо ссоры или хотя бы мелкой тяжбы съ Мемедомъ-Речжди, и тогда смѣло рѣшаетъ,—не получилъ ли онъ ту непріятность отъ этого, вѣчно всѣмъ мстящаго, мерзавца. Изъ десяти случаевъ въ девяти можно доказать, какъ дважды два четыре, не только его участіе, но непремѣнно его руководство, его коноводство въ дѣлѣ зломъ и грязномъ.

Множество людей обяганы ему потерей своего состоянія или другими несчастіями своей жизни; за нимъ только слѣдить и только улавливать его мошенническія продѣлки. И этотъ человѣкъ вздумалъ надъ нами посмѣяться,—полѣзъ къ намъ въ начальники конвоя или, какъ самъ онъ назвался, въ проводники! Можно себѣ представить, какія намѣренія онъ при этомъ таилъ и на какія продѣлки былъ готовъ, надѣясь получить то, чего искалъ, т.-е. полнаго довѣрія къ себѣ въ такомъ дѣлѣ!

— Нѣтъ, горячо отозвался Рива, счастье наше, что Юсуфъ-паша отдался дѣлу оказанія услуги вамъ съ полною честностью и съ неменьшею искренностью; вы дѣйствительно будете его благодарить за Гассана, а самое то, что твердость Гассана всѣ знаютъ, можетъ служить гарантіей того, что его послушаютъ и

тѣ, кои быть можетъ безъ этого приготовились бы продѣлать вамъ какую-либо сильную непріятность въ пути.

Перемѣните свое мнѣніе объ Гассанѣ, отбросьте первое, быть можетъ и правильно васъ охватившее, впечатлѣніе; случайно, но не менѣе того жестоко, природа дала ему такую ужасную, — дѣйствительно ужасную, наружность; присмотритесь къ нему, и вы несомнѣнно разгадаете въ немъ немало такихъ чертъ, которыя обнаружатъ въ немъ человѣка кроткаго и мирнаго, а главное стойкаго и вѣрнаго; не стоитъ труда приглядываться рядомъ съ нимъ къ Мемеду-Речжди, но, бросивъ мимолетный взглядъ на эту дрянъ, можно въ самомъ снисходительномъ случаѣ сразу уловить въ немъ, рядомъ съ массой легкомыслія, цѣлую гору фальши, распущенности нрава и вообще полнѣйшаго распутства.

Прошли еще сутки, и насталъ часъ нашего разставанья съ княземъ Уцмѣевымъ. На него эпизодъ метанья въ насъ камней произвелъ сильное, непріятное и, какъ онъ говорилъ, омерзительное впечатлѣніе.

— Въ такую минуту, сказалъ онъ, намъ развѣзжаться въ разныя стороны не приходилось бы; я очень грущу о томъ что невозможно намъ продолжать путь вмѣстѣ и вмѣстѣ допить чашу до дна.

Что-то еще будетъ дальше, чѣмъ-то кончится ваше сложное путешествіе по горамъ! Эта бѣсовская продѣлка съ камнями меня не оставляетъ ни на минуту и очень тревожитъ.

— Богъ не безъ милости, сказалъ я, поддержать Онъ насъ въ дорогѣ, на Него надежда; а ты тоже себя береги и главное откажись отъ всякихъ черныхъ мыслей, отбрось ихъ, бодрись, какъ бодрился въ теченіе всей войны, все пойдетъ хорошо...

Попрощались мы и понесли его бурныя волны въ Батумъ; въ послѣднюю минуту онъ, при всемъ стараніи крѣпиться, сильно прослезился, видимо, не находя себѣ утѣшенія; и то сказать, держалъ онъ путь не на веселье; собственно онъ былъ вытребованъ домой къ себѣ, гдѣ его матушка-ханша опасно заболѣла; застанетъ онъ ее живою или опоздаетъ пріѣздомъ?

Въ вечеръ того же 16-го числа пришлось намъ дружески попрощаться съ врачомъ итальянскаго консульства Атанасіу. Въ высшей степени порядочный и добросовѣстный, грекъ этотъ, за все время пребыванія нашего въ Трепизондѣ, не зналъ от-

дыха; онъ старательно хлопоталъ о томъ, чтобы никто изъ чиновъ конвоя не унесъ съ собой въ тяжелое путешествіе на Эрзерумъ никакого, — даже малѣйшаго, недуга; потрудиться было надъ чѣмъ, такъ какъ кто изъ тѣхъ чиновъ принесъ съ собой простуду, захваченную въ морскомъ путешествіи, а кто потомъ запасся ушибомъ булыжнаго обстрѣла, у иного же оказалось и то и другое; докторъ старательно лѣчилъ всѣхъ и каждого, а на прощанье сказалъ: можемъ быть спокойными, всѣ наши больные основательно починены, — всѣ уходятъ здоровыми, оставивъ здѣсь свои недуги.

Е. К. Андреевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

